

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1770](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770)

М. О. Макушева, Т. А. Нестик

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
И ЭФФЕКТЫ ДОВЕРИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Правильная ссылка на статью:

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

For citation:

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭФФЕКТЫ ДОВЕРИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

МАКУШЕВА Мария Олеговна — кандидат социологических наук, генеральный директор, Центр социального проектирования «Платформа», Москва, Россия
E-MAIL: makushevam@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1696-3149>

НЕСТИК Тимофей Александрович — доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

Аннотация. Вызванный пандемией кризис обострил в российском обществе проблему доверия — межличностного, генерализованного, институционального. В ходе массовых опросов с апреля по май 2020 г. нами фиксировался низкий и снижающийся уровень доверия официальной информации о коронавирусе, низкий уровень доверия социальным институтам — государству, СМИ, здравоохранению и науке. Широкое распространение получили конспирологические теории происхождения вируса и убеждение в том, что его угроза преувеличивается. Цель статьи — на основе серии эмпирических исследований рассмотреть социально-психологические факторы, влияющие на доверие/недоверие социальным институтам в период пандемии, основные типы отношения к пандемии, а также влияние уровня доверия на готовность соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PRECONDITIONS AND EFFECTS OF TRUST IN SOCIAL INSTITUTIONS IN A PANDEMIC

Maria O. MAKUSHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), General Director
E-MAIL: makushevam@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1696-3149>

Timofei A. NESTIK² — Dr. Sci. (Social Psychol.). Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

¹ 'Platforma' Social Design Center, Moscow, Russia

² Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The crisis caused by the COVID-19 pandemic has exacerbated the problem of trust in Russian society — interpersonal, generalized, institutional. In the course of mass polls during April-May 2020, we recorded a low and declining level of trust in official information about the coronavirus, a low level of trust in social institutions — the state, the media, healthcare and science. Conspiracy theories about the origin of the virus and the belief that the threat is being exaggerated have become widespread. The purpose of the article is to consider, on the basis of a series of empirical studies, socio-psychological factors influencing trust/distrust in social institutions during a pandemic, the main types of attitudes towards a pandemic, as well as the influence of the level of trust on the readiness to comply with sanitary and epidemiological requirements. Data: a mass surveys of the population based on an opt-in panel of respondents ($N=1,000$), an online

Для сбора данных были проведены: серия массовых опросов населения на основе opt-in панели респондентов ($N = 1\,000$, проведены в рамках совместного исследования ЦСП «Платформа» и ОМИ), онлайн-опрос с использованием социально-психологических шкал ($N = 668$, проведен Институтом психологии РАН), глубинные интервью ($N = 60$, проведены ЦСП «Платформа»). Результаты показывают, что причинами снижения доверия к СМИ и властям стали противоречивость официальной информации и несогласованность действий чиновников, подозрения в сокрытии информации, дефицит проявления эмпатии и двусторонних коммуникаций, чувство несправедливости и разочарование, вызванное нарушенными обещаниями. В условиях пандемии уровень доверия связан с верой в справедливость мира, поиском социальной поддержки, моральными основаниями лояльности и заботы, ориентацией на учет долгосрочных последствий. Вместе с тем тема доверия имеет в ситуации пандемии прагматический аспект: уровень социального доверия влияет на готовность следовать рекомендациям экспертов и проходить вакцинацию, оптимизм в отношении будущего, уровень тревожности и стратегии совладания, веру в конспирологические теории. В заключении статьи намечены перспективные направления исследований социального доверия и его социально-психологических функций в условиях глобальных рисков.

Ключевые слова: социальное доверие, доверие к социальным институтам, пандемия, COVID-19, коммуникационный разрыв, тревога, стратегии совладания

survey using socio-psychological scales ($N = 668$), in-depth interviews ($N = 60$ interviews). Our research shows that the decline in trust in the media and the authorities was caused by contradictions in official information and inconsistency in the actions of government officials, a lack of empathy and two-way communication, a sense of injustice and disappointment with broken promises. In a pandemic, the level of trust is associated with belief in the justice of the world, the search for social support, the moral foundations of loyalty and care, and an orientation towards taking into account long-term consequences. At the same time, the trust-related issues have a pragmatic aspect in a pandemic situation: the level of social trust affects the willingness to follow the recommendations of experts and to be vaccinated, optimism about the future, the level of anxiety and coping strategies, and belief in conspiracy theories. Prospective directions of research of social trust and its socio-psychological functions in conditions of global risks are outlined.

Keywords: social trust, trust in social institutions, pandemic, COVID-19, anxiety, coping strategies, communication gap

Благодарность. Исследование выполнено по гранту РФ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

Acknowledgments. The study is supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).

Введение

Вызванный пандемией коронавируса кризис обострил в российском обществе проблему доверия — межличностного, генерализованного, институционального. Как и подавляющее большинство других государств, Россия вошла в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия [Нестик, 2020b]. Международные исследования свидетельствуют, что в развитых странах большинство людей уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная¹, а по данным мониторинга Edelman Trust Barometer, 56 % всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы². При этом среди 28 стран, участвовавших в указанном выше мониторинге в 2020 г., Россия по уровню доверия заняла последнее место: лишь 30 % россиян доверяют социальным институтам — государству, СМИ, бизнесу и НКО. Отечественные социологические исследования показывают, что уровень доверия во время пандемии коронавируса в России продолжал снижаться. Согласно инициативному опросу, проведенному Synopsis Group и Центр новой философии совместно с Knife.media в марте 2020 г., 40 % респондентов полагались только на себя, 37 % — на коллективную ответственность людей, и только 9 % считали, что можно надеяться на помощь со стороны государства³. Согласно опросу «Левада-Центра», отвечая на вопрос «В ситуации эпидемии что будет происходить с отношениями между людьми в нашей стране?», половина респондентов выбрали ответ: «Люди станут больше заботиться только о себе и „своих“». При этом лишь 17 % опрошенных считали, что люди станут больше поддерживать друг друга, а среди молодежи доля таких ответов была еще ниже (12 %)⁴.

Значимость доверия для жизнеспособности общества в условиях пандемии связана с рядом особенностей эпидемиологической угрозы. Во-первых, она невидима, сопровождается длительным переживанием тревоги и неопределенности, и, если официальные источники информации не вызывают доверия, дефицит информации быстро восполняется всевозможными конспирологическими теориями. Во-вторых, в условиях самоизоляции человек находится в зависимости от других людей, от принимаемых властью решений, а зависимость без доверия провоцирует дистресс (неблагоприятный стресс, в результате которого снижают-

¹ Victor Pinchuk Foundation. The Governance for Happiness. Global Survey Results. 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

² Edelman Trust Barometer. Global Report. 2020. URL: <https://edl.mn/2NOWltn> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // НОЖ. 2020. 1 апреля. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 16.12.2020).

⁴ Гражданское общество в самоизоляции // Левада-Центр. 2020. 3 апреля. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii/> (дата обращения: 16.12.2020).

ся способности к адаптации), тревожные расстройства и депрессии. В-третьих, в таких ситуациях возможности контроля за массовым поведением ограничены, поэтому меры сдерживания пандемии основываются одновременно и на провокации страха заражения, и на ожидании добровольного, социально ответственного поведения. Возникает противоречие между отношением к гражданам как к иррациональным и невосприимчивым «большим» с одной стороны, и отношением к ним как партнерам в противостоянии коллективной угрозе — с другой. Такое противоречие может приводить к снижению доверия официальным источникам информации и вызывать протестное поведение.

Эмпирические исследования показывают, что уровень доверия — одна из ключевых предпосылок готовности личности участвовать в предотвращении глобальных рисков и преодолении их негативных последствий [Нестик, Журавлев, 2018]. Снижение доверия к СМИ и другим социальным институтам существенно влияет на эффективность мер сдерживания пандемии [Siegrist, Zingg, 2014; Lep, Babnik, Beyazoglu, 2020]. Недоверие СМИ, государству и системе здравоохранения ведет к росту числа людей, не желающих обращаться к врачам при наличии легких симптомов респираторного заболевания. С уровнем доверия к государству и науке прямо связана готовность проходить тестирование на наличие антител, а также поддержка вакцинации [Нестик, 2020а]. Снижение доверия к властям и СМИ усиливает социальный пессимизм, обостряет чувство социальной несправедливости и сокращает горизонт планирования [Нестик, 2020б]. Низкое социальное доверие затрудняет солидаризацию перед лицом масштабных рисков, ослабляет горизонтальные формы волонтерства, облегчая их вытеснение вертикальными, бюрократизированными формами⁵.

По-видимому, переживание эпидемической угрозы может стать одним из механизмов снижения социального доверия. Так, исследование в 39 странах показало, что в обществах, исторически более подверженных эпидемиям, а также другим природным и антропогенным угрозам, отмечается меньшая проактивность в завязывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию [Thomson et al., 2018]. Одной из причин снижения доверия к СМИ может быть сенсационная подача новостей и общий алармистский стиль в освещении пандемии COVID-19, который, как показывают исследования, вызывает травмирующие психологические последствия [Garfin, Silver, Holman, 2020].

В период кризисов доверие оказывается важным ресурсом для преодоления различных травмирующих психологических факторов. Согласно исследованиям, посттравматический синдром усиливается, если личность испытывает дефицит социальной поддержки от окружающих и низко оценивает сплоченность общества [Нестик, 2020а]. Генерализованное социальное доверие снижает воспринимаемый уровень стресса и тревоги в условиях пандемии COVID-19, при этом среди людей, склонных доверять другим, меньше тех, кто убежден, что власти избыточно реагируют на эпидемиологическую угрозу⁶.

⁵ Асмолов Г. А. Борьба за волонтеров: у кого у в руках цифровой штурвал? // OpenDemocracy.net. 2020. 28 апреля. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/borba-za-volonetov/> (дата обращения: 11.12.2020).

⁶ Rainie L., Perrin A. The State of Americans' Trust in Each Other Amid the COVID-19 Pandemic. Pew Research Center. 2020. April 6. URL: <https://pewrsr.ch/34ly9B9> (дата обращения: 11.12.2020).

В настоящей статье, опираясь на серию эмпирических исследований, авторы рассматривают социально-психологические факторы, влияющие на доверие/недоверие СМИ и другим социальным институтам в период пандемии, типы недоверия к информации о пандемии, а также влияние уровня доверия на готовность соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы.

Дизайн и методы эмпирического исследования

В основу нашего анализа легли несколько эмпирических исследований, проведенных в период с марта по июнь 2020 г.:

— *Опросы по онлайн-панели OMI.* Всего проведено пять волн: 2, 10, 17, 24 апреля и 15 мая 2020 г. Объем выборки каждой волны составил 1 000 респондентов, отобранных по квотной выборке. Данные репрезентируют онлайн-аудиторию России в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек по полу, возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта. Квоты задавались на основе данных ФОМ о структуре онлайн-аудитории⁷.

— *Онлайн-опрос, проведенный с использованием исследовательской платформы Mail.ru Group на базе панели во «ВКонтакте» и «Одноклассниках».* Опрашивались жители в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек. Всего было опрошено 2 500 респондентов. Дата проведения опроса — 8 июня 2020 г. Полученные данные были взвешены по полу/возрасту/географическому положению по Росиндексу по пользователям интернета 18+ РФ 100+.

— *Качественное исследование, включавшее 60 глубинных интервью с жителями разных регионов России старше 18 лет.* В исследовании наряду с собственными интервью Центра социального проектирования «Платформа» использованы интервью студентов курса «Исследования аудитории медиа» факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ, 2020 г. Поиск участников проводился двумя способами. Во-первых, с помощью отбора случайным образом в ходе опроса на базе панели респондентов (20 интервью), где использовался отборочный вопрос о доверии информации о пандемии. Примерно в равных пропорциях были отобраны те, кто доверяет официальной информации, те, кто считает, что ситуация преувеличивается, и те, кто считает, что реальная угроза и последствия преуменьшаются. Во-вторых, чтобы расширить выборку, мы использовали метод «снежного кома» (40 интервью).

— *Онлайн-опрос интернет-пользователей,* проведенный Институтом психологии РАН в марте и апреле 2020 г. и направленный на выявление социально-психологических предикторов внутригруппового, аутгруппового и институционального доверия в условиях пандемии. Всего было опрошено 668 респондентов (78,2% — женщины; $M_{age} = 30 \pm 12,7$ лет).

Наряду с вопросами, направленными на выявление уровня доверия и отношения к пандемии, в рамках последней волны по онлайн-панели OMI ($N = 1\,043$), а также при онлайн-опросе, проведенном ИП РАН ($N = 668$), нами использовался ряд психологических методик для выявления личностных характеристик респондентов: «Шкала глобальной социальной идентификации» (GSI) Дж. Риза в адап-

⁷ <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402>.

тации Т. А. Нестика; скрининговая шкала гражданской идентичности («Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Я связываю свое будущее с судьбой России»; альфа Кронбаха = 0,804); «Опросник моральных оснований» (the Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева; опросник «Социальные аксиомы» (the Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой; краткая версия «Опросника проактивного копинга» Э. Грингласса, адаптированная Е. П. Белинской, А. В. Вечериным и Е. Р. Агадуллиной. В рамках последней волны по онлайн-панели ОМИ мы использовали шкалу PHQ-4 для измерения уровня тревоги и депрессии, а также субшкалы из методики «Стратегии совладания» (COPE) в адаптации Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина.

Динамика доверия к СМИ и другим социальным институтам в период вынужденной самоизоляции (апрель — май 2020 г.)

Результаты проведенных нами в апреле — мае 2020 г. опросов свидетельствуют о низком доверии к официальной информации о пандемии в СМИ, уровень которого на протяжении этого времени снижался. Так, с 17 апреля по 15 мая на 9% сократилась доля тех, кто считал информацию достоверной, и на 10% выросла доля респондентов, уверенных в том, что ситуация представляется хуже, чем есть (см. рис. 1).

Рис. 1. Доверяете ли Вы официальной информации о коронавирусе? (% опрошенных)

При этом 15 мая лишь 44% доверяли официальной статистике о распространении коронавируса в России и всего 51% опрошенных верили, что угроза настолько велика, что необходимо изолировать людей и закрывать предприятия (см. рис. 2). Среди тех, кто считал статистику недостоверной, 68% были уверены, что цифры искажаются намеренно.

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Доверяете ли Вы...?» (% опрошенных)

Собранные нами данные указывают на рост разочарования в способности государства адекватно реагировать на угрозы и обеспечивать защиту граждан. Так, в мае 2020 г. 61% опрошенных россиян признавали, что за последний месяц их уверенность в том, что государство позаботится о них в трудной ситуации, уменьшилась; еще 54% указали на снижение доверия официальным СМИ (см. рис. 3).

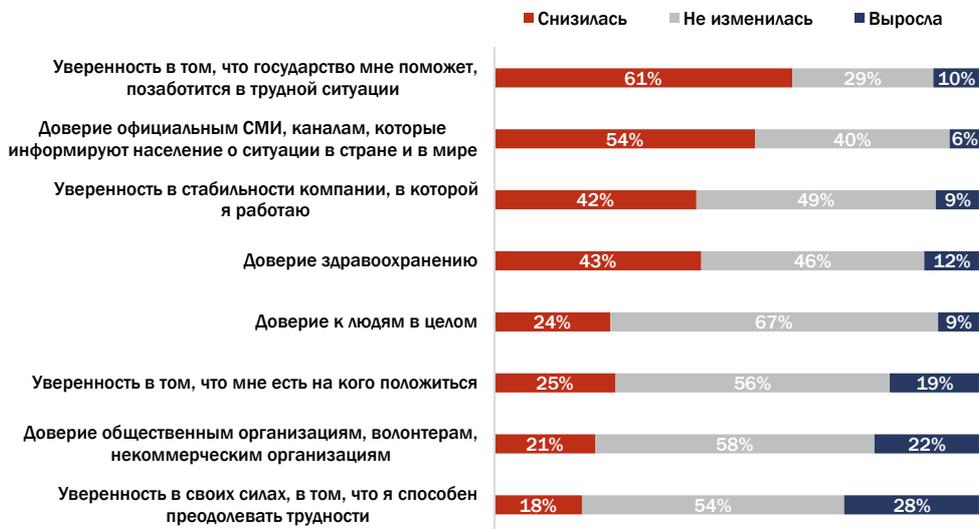

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Как за последний месяц изменилась...?» (% опрошенных)

Доля горожан, одобряющих вводимые ограничения, с апреля по май 2020 г. становилась все меньше. Страх заражения стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий локдауна: 2 апреля сильный страх заразиться испытывали 29% опрошенных, 24 апреля — 23%, а 15 мая таких было всего 15%. Страхи, связанные с экономическими последствиями пандемии, напротив, росли: в частности, с 46% до 50% выросла доля тех, кто опасался, что им не на что будет жить (см. рис. 4).

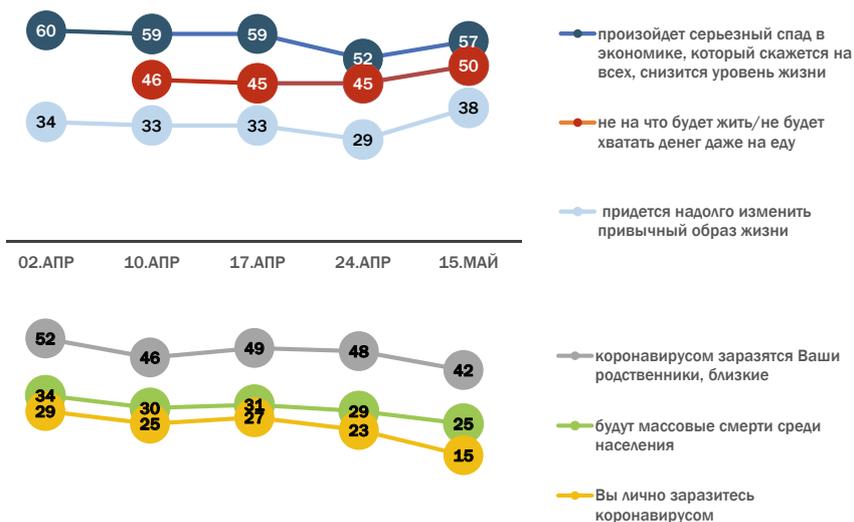

Рис. 4. Скажите, пожалуйста, насколько в связи с ситуацией коронавируса Вы испытываете чувство страха, что...? (% опрошенных, суммируются ответы 8—10 по 10-балльной шкале)

Снижение страха заражения, на наш взгляд, объяснялось не только противоречивостью информации о способах защиты от коронавируса в СМИ, но и алармизмом в подаче новостей о пандемии. Нагнетание тревоги приводило к противоречию между необходимостью защитить себя и близких и невозможностью существенно повлиять на ситуацию, которое разрешалось через занижение вероятности и последствий заражения [Нестик, 2020а]. За два месяца вынужденной самоизоляции первоначальная мобилизация сил горожан сменилась истощением и неверием в эффективность предпринимаемых государством мер сдерживания. И если 2 апреля 2020 г. 62% опрошенных считали оправданным режим всеобщей самоизоляции и ограничения передвижений по городу, то 24 апреля таких респондентов было всего 47% (см. рис. 5).

Рис. 5. Какие меры борьбы с распространением коронавируса в России Вы считаете оправданными, а какие слишком серьезными, неоправданными?/ Категория «Мера оправданная» (% опрошенных)

Основания доверия к официальной информации о пандемии

Опираясь на проведенные нами интервью и фокус-группы, в сложившейся ситуации можно выделить три основания для доверия к информации о происходящем: очевидец, экспертиза, статус.

Как известно, людям свойственно недооценивать риски, информация о которых представлена в виде обобщенной статистики, тогда как риски, знакомые по личному опыту или по рассказу очевидцев, могут переоцениваться [Slovic, 2013]. Поэтому не случайно среди источников информации, пользующихся доверием, на первый план выходят люди с личным опытом болезни и простые врачи, которые работают с больными коронавирусом. Здесь в первую очередь важно то, что в очевидце не видят заинтересованности, мотива к искажению правды: «живой голос живого человека» против дистантной, часто обобщенной, абстрактной картины, представляемой СМИ. В этих условиях блогер, снимающий видеорепортаж, или один комментарий очевидца на форуме может пошатнуть картину, созданную официальным профессиональным СМИ. И если официальные каналы игнорируют частную, но резонансную ситуацию, создается ощущение намеренного замалчивания, и недоверие растет. Резонансы требуют реакции и помещения ситуации в определенный контекст. Самый яркий пример такого резонанса — это рассказы о критическом положении здравоохранения и смертности среди врачей, а также истории тех, кто столкнулся с трудностями при диагностике и лечении.

Доверие экспертизе — это доверие к тому, кто обладает специальными знаниями, доступом к информации, компетентностью. В ситуации пандемии это врач. Но эксперт — не обязательно публичный специалист, им может стать любой, кто признается таковым в окружении человека — например, знакомый доктор.

Еще одним основанием доверия к информации о коронавирусе стал официальный статус человека, выступающего в качестве ее источника (доверие институту, должностному лицу, человеку, занимающему высокое положение в медицинской или административной иерархии). Известно, что определенные социальные роли обладают кредитом доверия, особенно если речь идет о помогающих профессиях [Kramer, 1999]. Распространенный мотив доверия официальным лицам и институтам — стремление сохранить устойчивость картины мира. Допущение, что привычная реальность может быть неверной, вызывает потерю чувства безопасности и страх. Это основание доверия сегодня истончается по мере накопления информации об ошибках и колебаниях власти.

Доверие с психологической точки зрения можно рассматривать, во-первых, как убеждение в том, что другая сторона не будет действовать во вред нам, несмотря на то что мы не можем это проконтролировать и являемся уязвимыми, а во-вторых — как готовность принять эту уязвимость в отношении с личностью, группой или социальным институтом [Купрейченко, 2008; PytlikZillig, Kimbrough, 2016]. Уязвимость и зависимость от решений власти в целом обострили внимание к официальным коммуникациям. Наиболее существенными проблемами стали неумение спикеров проявлять эмпатию, сухой, казенный стиль и недостаточная оперативность/своевременность их выступлений. Это сказывалось на оценке основных критериев доверия, ранее выявленных социальными психологами: доброжелательности, компетентности и готовности выполнять обещания [Hamm,

Smidt, Mayer, 2019]. При этом наиболее тесно связана с доверием официальной статистике оценка сообщений как достаточно аргументированных, а также оценка эмпатии и стиля при обращении к аудитории. Именно этими чертами, судя по проведенным нами интервью, отличаются коммуникации в социальных сетях — близостью, неформальным стилем и скоростью появления информации.

Учитывая низкий уровень институционального доверия в России⁸, критически настроенный источник скорее вызывал доверие, чем оправдывавший действия власти. Здесь сказывается усталость от позитивной повестки — произошла своеобразная девальвация хороших новостей, они стали выглядеть предвзятыми. Наблюдения, опирающиеся на проведенные нами интервью, хорошо согласуются с данными о том, что в социальных сетях негативные сообщения распространяются быстрее и с большим охватом, что может создавать эффект иллюзии доминирования критики [Leitner et al., 2020]. Среди участников наших интервью доля тех, кто наблюдал критику власти в ситуации пандемии, выше доли тех, кто видел ее поддержку.

Основания социального недоверия в условиях пандемии

Доверие и недоверие можно рассматривать не только как установку или представление о вероятном поведении другой стороны, но и как определенное состояние, окрашенное переживаниями человека [Купрейченко, 2008]. С этой точки зрения выделяются несколько типов недоверия, характерных для общества в период коронакризиса. Главные среди них — недоверие как дезориентация и недоверие как протест.

Дезориентация проявлялась прежде всего как *недоверие к компетентности экспертов и власти*.

Как видно из приведенных выше рисунков 1-3, официальная статистика оставалась противоречивой и часто подвергалась критике, так как зависела от количества проведенных тестов и от их качества, отражала только видимые, известные симптомы и т. д. Поэтому наши респонденты следили за информацией, но понимали, что она ненадежна. Кроме того, часть статистических показателей толковались превратно — люди не понимали разницы между ними и видели в этом манипуляции с цифрами. Поле разногласий складывалось и вокруг того, насколько серьезно само заболевание: вирус — это «обычная ОРВИ», которую здоровые люди переживают легко, или смертельная опасность для всех. Оставалась противоречивой информация о средствах защиты и профилактики: как долго вирус остается на поверхности предметов, насколько защищают от него маски и т. д. Человек чувствовал себя обманутым после череды распространенных и опровергнутых мифов — о необходимости проводить самодиагностику, делать полоскания, использовать лимон и имбирь. Когда все народные рецепты подверглись критике, развилась общая подозрительность к любым советам, звучащим со стороны экспертов.

Часть аудитории убеждена: если получать информацию от разных источников, сформируешь объективную картину. Однако, не в силах оценить значимость отдельных экспертных позиций, человек при обращении к ним подчас только усиливает собственное ощущение неопределенности.

⁸ Edelman Trust Barometer. Global Report. 2020. URL: <https://edl.mn/2NOWitm> (дата обращения: 12.12.2020).

Заявления официальных лиц о вводимых мерах также часто выглядели не последовательными. Например, когда кривая заболеваемости пошла вверх, звучала обеспокоенность распространением заболевания. При этом появились публикации, что рост статистики связан с расширением тестирования и появлением новых, более надежных тестов. Введение масочного режима происходило на фоне разъяснений со стороны официальных инстанций о неэффективности масок на здоровых людях. Другим примером несогласованности в заявлениях и действиях властей стала политика штрафов. В начале апреля спикер Мосгордумы объявил, что передвижение на автомобиле нескольких людей (более одного человека), если они не проживают вместе, будет караться штрафом. Затем, однако, последовало официальное заявление, что штрафы не введены. Звучали и разные толкования применения ограничений — на прогулки, на поездки в автомобиле в одиночку и т. д. Где-то ограничения ужесточались, а где-то ослаблялись без видимой на то причины. Наконец, «нерабочая неделя», объявленная с 30 марта, продлялась «максимум на месяц», но затем была продлена еще раз.

Мы отмечали рост непонимания решений власти, особенно непопулярных; усиливалось ощущение их немотивированности и оторванности от ситуации. Почему запрещены прогулки в парках, где можно соблюдать дистанцию, одиночные пробежки, рыбалка и охота (особенно в регионах, где это значимая для людей традиция), походы в лес? Почему в разных регионах введены разные меры? Почему нерабочие дни вводились по всей стране без учета положения дел в каждом конкретном регионе? Почему они заканчиваются на фоне роста заболеваемости? Почему всех заставляют носить маски и перчатки, но при этом не призывают носить очки, ведь слизистая глаз тоже уязвима к заражению?

Выступления президента В. В. Путина каждый раз привлекали большое внимание, но и они оставляли много вопросов, были не вполне понятными (например, использование эвфемизмов — «выходные дни» вместо карантина, непонимание перспектив).

Пытаясь объяснить непоследовательные заявления и действия официальных лиц, люди видели причину в отсутствии контроля, либо предполагали личную заинтересованность.

Недоверие как форма протеста развивалось в ответ на воспринимаемую несправедливость. Ситуация с введением всеобщей самоизоляции, закрытием компаний, введением штрафов при отсутствии помощи не укладывалась в понимание ответственности государства. Это создало общий негативный фон, породило обиду и ощущение абсурда, произвола и спровоцировало сопротивление любой исходящей от официальных инстанций информации. Сказалась также недостаточно выраженная эмпатия в разговорах представителей власти о насущных проблемах россиян.

Еще одним основанием для недоверия как реакции протеста стали нарушенные обещания. Прозвучавшее от президента страны обещание поддержки обернулось ростом надежд, но они подтвердились не для всех: меры оказались избирательными, сложными в оформлении, а в период, когда люди начали обращаться за помощью, не во всех регионах работали механизмы выплат. Возникло ощущение обманутых надежд. Разочарование подкреплялось информацией о несправедливости в отношении более узких категорий — малого бизнеса и врачей, с которыми стало солидаризоваться население.

Сформировавшиеся задолго до пандемии политический цинизм и недоверие властям стали переноситься на текущую ситуацию. Негативно настроенные люди искали подтверждения своему недоверию, что усиливалось когнитивными эффектами подтверждения выбранной позиции и групповой поляризацией. Первый из них состоит в нечувствительности к информации, которая противоречит нашим убеждениям, и стремлении интерпретировать новую информацию как подтверждающую сформированную ранее позицию. Вторым эффектом является сдвиг участников обсуждения к крайним, диаметрально противоположным точкам зрения. Оба эффекта усиливаются так называемыми эхо-камерами, информационными пузырями из источников информации, которые соответствуют уже выбранной позиции по отношению к происходящему [Михеев, Нестик, 2018]. Благодаря этим механизмам сформировавшееся ранее недоверие усиливалось, генерализовывалось, распространялось на новые каналы информирования людей о пандемии.

Протест вызывало и чрезвычайное внимание к теме коронавируса, которое оттеснило на периферию или вовсе вытеснило из повестки актуальные для человека вопросы, например другие заболевания.

Наконец, протест провоцировала слабость контроля при строгости введенных ограничений. Люди наблюдали, как окружающие нарушают предписания (только 38% горожан, опрошенных нами в мае 2020 г., считали, что большинство окружающих их людей следует мерам предосторожности — носит маски и соблюдает социальную дистанцию), а сотрудники правоохранительных органов сами иногда транслировали скептицизм в отношении введенных мер. Кроме того, строгость ограничений и невозможность соблюдать часть из них рождали тотальный релятивизм и побуждали людей искать «лазейки».

Эти эффекты разрушительно сказывались на всех трех основных составляющих доверия [Schoorman, Mayer, Davis, 2007]:

- 1) противоречивость информации, слабость контроля и рассогласованность действий снижали оценку компетентности властей, экспертов и СМИ;
- 2) подозрения в сокрытии информации, ощущение равнодушия, отсутствия эмпатии и дефицит двусторонних коммуникаций понижали оценку доброжелательности;
- 3) чувство несправедливости и разочарование, вызванные нарушенными обещаниями, подрывали веру в добросовестность власти, готовность соблюдать взятые на себя обязательства.

Социально-психологические предпосылки институционального доверия и недоверия в условиях пандемии

Как показывают результаты онлайн-опроса (март — апрель 2020 г.; $N = 668$; 78,2% — женщины; $M_{age} = 30 \pm 12,7$ лет), доверие к социальным институтам в условиях пандемии связано с оптимизмом в отношении ее исхода, ориентацией на авторитарные и консервативные ценности, а также уверенностью в возможности защитить себя от заражения (см. табл. 1). Результаты линейного регрессионного анализа ($R = 0,570$; $R^2 = 0,325$; $F = 22,683$; $p < 0,001$) показывают, что предикторами доверия к государству и СМИ являются низкая ориентация на ценность заботы о людях и высокая ориентация на уважение к авторитетам в сочетании с поддержкой жестких мер сдерживания. При этом институциональное доверие прямо

связано с общей верой в справедливость мира, оптимистичной оценкой влияния пандемии на общество, интересом к новостям о ней, убежденностью в своей способности защитить себя и близких от заражения, а также с поиском инструментальной поддержки, то есть готовностью обращаться к знакомым и друзьям за помощью. Выявленные нами связи позволяют сделать вывод, что доверие к государству и СМИ поддерживается не только оптимизмом, верой в осмысленность и справедливость мироустройства и оправданность жестких мер защиты, но и верой в собственную способность влиять на ситуацию.

Негативная связь между доверием к социальным институтам и ценностью заботы о людях, измерявшейся с помощью опросника «Моральные основания» (MFQ) Дж. Хайдта [Graham, Haidt, Nosek, 2009; Сычев и др., 2014], может указывать на то, что неоправдавшиеся ожидания заботы о гражданах со стороны государства ведут к снижению доверия как к государству, так и к другим институтам — СМИ, науке и здравоохранению.

Доверие к государству и СМИ тем выше, чем меньше вера в свою зависимость от судьбы, но при этом оно также отрицательно связано с ориентацией на проактивное совладание с трудными ситуациями, то есть с планированием дальнейших самостоятельных действий для решения возникших проблем. Как нам кажется, этот парадокс может объясняться тем, что доверие к социальным институтам основывается на ожидании определенных гарантий со стороны государства. Когда же действия властей не соответствуют ожиданиям, люди, уверенные в своей способности определять собственную судьбу, начинают делать ставку на свои силы и планировать действия, не рассчитывая на помощь государства.

Таблица 1. Социально-психологические предикторы доверия к социальным институтам (N = 668)

Социально-психологические предикторы	B	Станд. ошибка	Бета	t	Значимость
(Константа)	0,795	0,290		2,745	0,006
Шкала заботы (MFQ)	-0,031	0,011	-0,115	-2,851	0,005
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,038	0,01	0,173	3,641	0
Зависимость от судьбы (SAS)	-0,113	0,041	-0,115	-2,734	0,006
Общая вера в справедливый мир	0,135	0,038	0,167	3,573	0
Проактивное совладание с трудными ситуациями	-0,178	0,063	-0,118	-2,836	0,005
Поиск инструментальной поддержки	0,157	0,059	0,107	2,657	0,008
Социальный оптимизм	0,253	0,038	0,291	6,743	0
Интерес к новостям о пандемии	0,137	0,036	0,154	3,846	0
Поддержка жестких мер сдерживания	0,089	0,035	0,103	2,516	0,012
Вера в способность защитить себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	0,089	0,04	0,092	2,19	0,029

Сегментация населения по уровню социального доверия, тревоги и психологического благополучия в условиях пандемии

Опираясь на данные опроса, проведенного нами по квотной выборке ОМІ 15 мая 2020 г. ($N = 1043$), с помощью кластерного анализа методом k -средних мы выделили несколько типов реагирования личности на пандемию. Основаниями для построения типологии служили уровень социального доверия, а также выраженность страхов, связанных с пандемией и ее последствиями⁹.

Представителей первого типа «Солидарные оптимисты» (19% респондентов) можно считать наиболее психологически благополучной группой. Для них характерно низкое переживание страхов за здоровье, умеренное — экономических страхов. Представители данной группы чаще доверяют официальной информации, социальным институтам — СМИ, здравоохранению, науке, государству. Они верят в свою способность повлиять на ситуацию и эффективность средств защиты, в основном соблюдают правила профилактики. Это самая молодая группа (58% — до 35 лет).

Для второго типа «Переживающие за близких» (примерно 22%) характерен относительно низкий страх за себя и высокий — за близких. В группу чаще попадали те, кто имеет заболевших коронавирусом в своем окружении — таких респондентов на тот момент было 16%. Также в этой группе высоки страхи экономических последствий пандемии, выражены симптомы тревоги и депрессии. Представители данной группы в целом доверяют официальной информации и социальным институтам — СМИ, здравоохранению, науке, государству; соблюдают правила профилактики. Группа в значительной степени состоит из молодежи (55% — до 35 лет) и имеет преимущественно женское лицо (71% женщин против 29% мужчин).

Первые два типа относительно благополучны и не преуменьшают угрозу — либо потому, что опасаются за близких, либо из солидарности с другими.

Третий тип «Алармисты» характеризуется высокой выраженностью симптомов стресса, тревожного и депрессивного расстройств (примерно 19%). Именно в этой группе наблюдается самый высокий страх и перед болезнью, и перед экономическими последствиями локдауна. Выраженность тревожно-депрессивных симптомов сопровождается низким уровнем оптимизма относительно исхода пандемии. Представители данного типа чаще говорят о падении уверенности в своих силах, им свойственны пассивные стратегии совладания с трудной ситуацией — концентрация на негативных эмоциях и уход от проблемы. Они чаще других следят за информацией о распространении COVID-19, чаще смотрят телевизор (69% — каждый день, 43% — более трех часов в день), однако чаще других считают, что реальная угроза занижается. Респонденты из этой группы соблюдают все правила профилактики, но при этом мало верят в свою способность повлиять на угрозу (установка «я не в силах повлиять на то, заболею я или нет» — 42%), в большей мере полагаются на государство и его поддержку. В группе больше женщин — 64% против 36% мужчин. Средний возраст — 39 лет (что выше среднего по другим выделенным группам); в группе больше людей старшего возраста. Большинство

⁹ Авторы выражают благодарность М. А. Падун, к. психол. н., старшему научному сотруднику лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН за консультацию при интерпретации результатов исследования.

(58 %) столкнулось с теми или иными негативными последствиями на рынке труда. У 63 % существенно сократился доход семьи, 72 % работают в частном секторе, который более уязвим для экономических рисков пандемии.

Представители четвертого типа «Скептики» наиболее обеспокоены экономическими последствиями пандемии, тогда как страх заражения среди них очень низкий (27 %). Большинство респондентов этой группы признают, что уже пострадали финансово. Здесь отмечается средняя склонность к тревожно-депрессивным состояниям, тесно коррелирующая с экономическими страхами. Для данного типа респондентов характерно низкое доверие государству, СМИ, здравоохранению и науке, а также вера в конспирологические теории: в то, что причиной пандемии являются чьи-то экономические и политические интересы, что вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно, и т. д. Представители этой группы чаще других смотрят телевизор (67 % — каждый день, 39 % — три часа и более) и полагают, что ситуация нагнетается, представляется хуже, чем она есть; не считают оправданными меры изоляции. Не думают, что способны контролировать угрозу заражения, не верят в эффективность средств защиты, разделяют фатализм («Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать»). Более половины (51 %) не находятся на самоизоляции, почти не соблюдают правила профилактики. В этой группе больше малообеспеченных людей — 59 % против 38 % средне- и высокообеспеченных; 72 % из них заняты в частном секторе.

Наконец, для пятого типа — «Фаталисты» — характерно игнорирование угрозы заражения (ее опасаются примерно 17 %), а также наименьшая склонность к сопереживанию другим в ситуации пандемии — заболевшим, уязвимым к заражению. В целом в этой группе очень низкое обобщенное доверие людям в целом. Большинство представителей данного типа не видят, чтобы окружающие соблюдали правила профилактики, и не верят в социальную ответственность окружающих. По сравнению с другими типами здесь отмечается самое низкое доверие государству, СМИ, здравоохранению и науке. Респонденты данной группы часто пользуются для объяснения ситуации конспирологическими теориями. Чаще полагают, что ситуация нагнетается, представляется хуже, чем она есть. Не считают себя способными контролировать угрозу заражения, не верят в эффективность средств защиты, разделяют фатализм («Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать»). Чаще других не следят за информацией, связанной с пандемией. Как и в четвертой группе, здесь почти не соблюдают правила профилактики, меньшинство (39 %) находится на самоизоляции. Представители данного типа — это чаще мужчины, — 57 % против 43 % женщин; больше молодых людей (41 % в возрасте 25-34 года). Почти половина членов данной группы (47 %) проживает в городах до 500 тыс. человек. Респонденты из пятой группы реже других сталкивались с существенным сокращением дохода.

Проведенный нами анализ типов реагирования жителей российских городов на пандемию показывает, что солидаризация и соблюдение санитарно-эпидемиологических ограничений связаны с социальным доверием и сопереживанием, тогда как вера в конспирологические теории и отказ от соблюдения правил сопряжены с неверием человека в свою способность влиять на складывающиеся

обстоятельства. Кроме того, сравнение выделенных нами типов позволяет сделать вывод, что низкое доверие СМИ и власти при переживании трудноконтролируемой угрозы снижает уровень психологического благополучия личности.

Влияние институционального доверия на соблюдение санитарно-эпидемиологических норм

Ряд исследований, проведенных за рубежом и в России, показал, что страх заражения вносит наибольший вклад в соблюдение человеком физической дистанции и ношение маски [Нестик, 2020а]. Вместе с тем известно, что страх подталкивает к изменению поведения только в тех случаях, когда люди верят в свою способность изменить ситуацию, в противном случае он запускает сильные защитные реакции [Witte, Allen, 2000]. Это подтверждают и наши данные, страх заболеть повышает соблюдение санитарно-эпидемиологических норм в том случае, если он сопряжен с институциональным доверием и самоэффективностью, то есть уверенностью в своей способности защитить себя и близких, а также с сопереживанием людям, которые в наибольшей степени уязвимы в условиях пандемии (см. табл. 2).

В целом уверенность наших респондентов в эффективности средств профилактики и в своей способности контролировать угрозу, влиять на ситуацию собственными действиями оказалась довольно низкой. В мае 2020 г. 30 % считали, что бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома — если суждено заболеть, то этого не избежать. 33 % полагали, что никак не могут повлиять на то, заболеют они или нет, а 44 % — что действия, которые они могут предпринять, слишком ничтожны, чтобы внести вклад в сдерживание эпидемии. Влияние сопереживания на соблюдение правил предосторожности сильнее всего проявилось среди молодежи — респондентов до 35 лет. В целом 74 % опрошенных испытывали сострадание к людям, которые наиболее уязвимы к заражению, 52 % старались понять переживания других по поводу пандемии.

Данные опроса, проведенного по квотной выборке OMI 15 мая 2020 г. ($N = 1043$), свидетельствуют, что доверие социальным институтам является одной из предпосылок соблюдения санитарно-эпидемиологических норм. Как показали результаты линейного регрессионного анализа ($R = 0,569$; $R^2 = 0,319$; $F = 70,429$; $p < 0,001$), предикторами соблюдения мер предосторожности оказались уверенность в своей способности защитить от заражения себя и близких, выраженность страхов, связанных с пандемией, сопереживание другим людям, ориентация на планирование собственного будущего в условиях пандемии, принятие сложившейся ситуации, институциональное доверие, то есть общий уровень доверия к государству, СМИ и медицине, а также убеждение в том, что большинство окружающих соблюдает социальную дистанцию и носит маски.

В мае 2020 г. 38 % опрошенных нами горожан считали, что большинство окружающих их людей следуют мерам предосторожности — носят маски и соблюдают дистанцию. Этот «эффект большинства», получивший в социальной психологии название дескриптивных норм, когда поведение человека определяется представлением о наиболее типичном поведении других членов социальной группы,

был выражен сильнее в других регионах, нежели в Москве, которая оставалась, по официальным данным, главным очагом заражения.

Таблица 2. **Социально-психологические предикторы соблюдения санитарно-эпидемиологических норм (N = 1 043)**

Социально-психологические предикторы	B	Станд. ошибка	Бета	t	Значимость
(Константа)	0,843	0,104		8,103	,000
Выраженность страхов, связанных с пандемией	0,073	0,009	0,228	8,024	,000
Уверенность в своей способности защитить от заражения себя и близких, внести вклад в сдерживание пандемии	0,159	0,018	0,231	8,76	,000
Сопереживание другим в условиях пандемии	0,076	0,022	0,108	3,541	,000
Планирование своего будущего	0,095	0,026	0,108	3,686	,000
Принятие сложившейся ситуации	0,133	0,027	0,149	4,948	,000
Дескриптивные нормы: большинство жителей моего города соблюдает дистанцию, носит маски	0,06	0,015	0,108	3,957	,000
Институциональное доверие (общий уровень доверия к государству, СМИ и медицине)	0,097	0,022	0,124	4,381	,000

Полученные данные хорошо согласуются с результатами других исследователей. Так, оказалось, что убеждение в контролируемости угрозы COVID-19 позитивно влияет на психологическое благополучие и повышает готовность следовать правилам предосторожности [Li et al., 2020]; наибольший отклик получают сообщения с призывом оставаться дома из сострадания к людям, уязвимым в отношении COVID-19 [Blagov, 2020]; сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств [King, Kamble, DeLongis, 2016], а также мотивацию к социальному дистанцированию в условиях пандемии COVID-19 [Pfattheicher et al., 2020].

Таким образом, доверие к СМИ, государству, науке и здравоохранению не только является фактором, снижающим психологическую травматизацию общества, но и вносит вклад в готовность личности соблюдать санитарно-эпидемиологические ограничения — носить маску, поддерживать дистанцию, пользоваться дезинфицирующими средствами.

Заключение

Наши исследования показывают, что предпосылками недоверия в период кризиса стали коммуникационный разрыв (противоречия в информационном поле, непонимание принимаемых властью решений); кризис общественного договора (ощущение социальной несправедливости; накопленный опыт неоправдавшихся ожиданий); а также поляризация в социальных сетях, противоречие опыта очевидцев официальной повестке.

При этом тема доверия имеет в ситуации пандемии важный прагматический аспект: уровень социального доверия связан с отношением к информации о пандемии, оптимизмом в отношении будущего, уровнем тревоги, стратегиями совладания с трудными ситуациями, верой в конспирологические теории и, в конечном счете, с готовностью следовать рекомендациям экспертов.

Опираясь на полученные результаты, можно наметить несколько возможных перспективных направлений исследований социального доверия в условиях глобальных рисков.

1. Требуется дальнейшего уточнения роль генерализованного доверия и недоверия к людям в соблюдении санитарно-эпидемиологических требований. С одной стороны, недоверие к людям может снижать поддержку мер правительства, направленных на сдерживание пандемии. С другой стороны, недоверие окружающим в том, что они будут соблюдать меры предосторожности, может повышать бдительность и стремление защитить себя от заражения.

2. Перспективным направлением исследований является изучение различных типов социального доверия и их социально-психологических функций в условиях масштабной угрозы. Одним из оснований для такой типологии может быть сочетание разных видов доверия, выраженность которых, как правило, различается: генерализованного (к людям вообще), внутригруппового (к близким, друзьям, знакомым), аутгруппового (представителям других этносов, территориальных общностей, идеологических взглядов и т. д.), институционального (к СМИ, государству, медицине, науке).

3. Огромный научный и прикладной интерес представляет исследование динамики доверия к различным источникам информации на разных этапах развития пандемии и связанного с ней кризиса, в том числе во время первой волны заболеваний и после нее, во время карантина и выхода из него, при обострении экономического кризиса.

Список литературы (References)

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2008. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/11/09/1214795330/0126.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

Kupreychenko A. B. (2008) Psychology of Trust and Distrust. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS". URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/11/09/1214795330/0126.pdf> (accessed: 11.12.2020). (In Russ.)

Михеев Е. А., Нестик Т. А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5—20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090201>.

Mikheev E. A., Nestik T. A. (2018) Disinformation in Social Networks: Current State and Perspective Research Directions. *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 2. P. 5—20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090201>. (In Russ.)

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2018.

Nestik T. A., Zhuravlev A. L. (2018) Psychology of Global Risks. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology RAS” (In Russ.)

Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020а. Т. 5. № 2. P. 47—83. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002>.

Nestik T. A. (2020a) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Society: Socio-Psychological Analysis. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 47–83. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002>. (In Russ.)

Нестик Т. А. Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020б. Т. 5. № 3. P. 110–140. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>.

Nestik T. A. (2020b) The Long-Term Orientation of the Person: The State and Prospects of Research. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. Vol. 5. No. 3. P. 110–140. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>. (In Russ.)

Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 1. С. 85—96.

Sychev O. A., Bespalov A. M., Prudnikova M. M., Vlasov M. S. (2016) Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. Vol. 12. No. 1. P. 85–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109>. (In Russ.)

Blagov P.S. (2020) Adaptive and Dark Personality Traits in the COVID-19 Pandemic: Predicting Health-Behavior Endorsement and the Appeal of Public Health Messages. *Social Psychological and Personality Science*. <https://doi.org/10.1177/1948550620936439>.

Hamm J. A., Smidt C., Mayer R. C. (2019) Understanding the Psychological Nature and Mechanisms of Political Trust. *PLOS ONE*. Vol. 14. No. 5. P. e0215835. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0215835>.

Garfin D. R., Silver R. C., Holman E. A. (2020) The Novel Coronavirus (COVID-2019) Outbreak: Amplification of Public Health Consequences by Media Exposure. *Health Psychology*. Vol. 39. No. 5. P. 355–357. <https://doi.org/10.1037/hea0000875>.

Graham J., Haidt J., Nosek B. A. (2009) Liberals and Conservatives Rely on Different Sets of Moral Foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96. No. 5. P. 1029–1046. <https://doi.org/10.1037/a0015141>.

King D., Kamble Sh., DeLongis A. (2016) Coping with Influenza A/H1N1 in India: Empathy Is Associated with Increased Vaccination and Health Precautions. *International*

Journal of Health Promotion and Education. Vol. 54. No. 6. P. 283–294. <https://doi.org/10.1080/14635240.2016.1174950>.

Kramer R. M. (1999) Trust and Distrust in Organizations: Emerging Perspectives, Enduring Questions. *Annual Review of Psychology*. Vol. 50. No. 1. P. 569–598. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.50.1.569>.

Leitner S., Gula B., Jannach D., Krieg-Holz U., Wall F. (2020) Infodemics: A Call to Action for Interdisciplinary Research. *ArXiv*. abs/2007.12226. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Infodemics%3A-A-call-to-action-for-interdisciplinary-Leitner-Gula/973ef6c5ee60c6c6d47c08967c4ff4ac63d0cb07> (accessed: 12.12.2020).

Lep Ž., Babnik K., Beyazoglu K. H. (2020) Emotional Responses and Self-Protective Behavior Within Days of the COVID-19 Outbreak: The Promoting Role of Information Credibility. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. 1846. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01846>.

Li J.-B., Yang A., Dou K., Wang L.-X., Zhang M.-Ch., Lin X.-Q. (2020) Chinese Public's Knowledge, Perceived Severity, and Perceived Controllability of the COVID-19 and Their Associations with Emotional and Behavioural Reactions, Social Participation, and Precautionary Behaviour: A National Survey. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09695-1>.

Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. B. (2020) The Emotional Path to Action: Empathy Promotes Physical Distancing During the COVID-19 Pandemic. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/y2cg5>.

PytlikZillig L. M., Kimbrough C. D. (2016) Consensus on Conceptualizations and Definitions of Trust: Are We There Yet? In: Shockley E., Neal T. M. S., PytlikZillig L. M., Bornstein B. H. (eds.) *Interdisciplinary Perspectives on Trust*. Cham: Springer. P. 17–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-22261-5_2.

Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. (2007) An Integrative Model of Organizational Trust: Past, Present, and Future. *Academy of Management Review*. Vol. 32. No. 2. P. 344–354. <https://doi.org/10.5465/amr.2007.24348410>.

Siegrist M., Zingg A. (2014) The Role of Public Trust During Pandemics: Implications for crisis communication. *European Psychologist*. Vol. 19. No. 1. P. 23–32. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000169>.

Slovic P. (2013) The More Who Die, the Less We Care. In: Slovic P. (ed.) *The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception*. New York, NY: Routledge. P. 69–78.

Thomson R. et al. (2018) Relational Mobility Predicts Social Behaviors in 39 Countries and Is Tied to Historical Farming and Threat. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 115. No. 29. P. 7521–7526. <https://doi.org/10.1073/pnas.1713191115>.

Witte K., Allen M. (2000) A Meta-Analysis of Fear Appeals: Implications for Effective Public Health Campaigns. *Health Education & Behavior*. Vol. 27. No. 5. P. 591–615. <https://doi.org/10.1177/109019810002700506>.